

Ладно бы только фырчал. Я его попыталась рукой схватить, так он ее до крови разодрал. Иди, заведи его от меня, он уже третий день в моей квартире живет.

Теща взволнованной женщине стакан воды принесла и в свою комнату заводит. А там недовольный Яшка на кресле, как на нарах, разлегся. Смотрит на посетителя недовольно, прищурился, и только хвостом по сторонам шлеп-шлеп. Тут до соседки и дошло.

— Так это что ж получается? Я свою кошечку за вашего разбойника приняла? То-то я думаю, чего это он не уходит. Обычно поест и убежит. А тут ни в какую. Вы уж меня извините старую, глаза-то уже не те. А Яшку из комнаты выпустите, пускай ко мне бегает. Где пять кошек кормится, там и одному коту угощение найдется.

Как Яшку из-под замка выпустили, он тут же к соседке похарчеваться заскочил и даже заночевал. И теперь в той квартире целое стадо котят носится, а половина, хоть убей, точная копия Яшки. Хозяйка вначале все причитала, а потом умные люди ей посоветовали их на базар отнести. Так она половину выводка за пару дней продала с большой для себя вырубкой, на которую накупила своим кошечкам всякого корма. Естественно, и Яшка в накладе не остался. Вон какую морду себе отъел.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЕЗДКА

Майор Николай Парасюк третий час маялся в Третьяковской галерее, пока его жена пристально рассматривала картину «Иван Грозный убивает своего сына». При этом она внимательно поглядывала на бритую голову супруга, как будто тщательно выбирая место для запланированного удара по темечку. Еще раз взглянув на часы, офицер тяжело вздохнул. До отправления поезда в Н.Новгород оставалось еще целых пять часов, а впереди маячило посещение Красной площади, Оружейной палаты и фотографирование возле разбитого Царь-колокола. Да, культурная поездка в столицу обернулась настоящим испытанием. Не рассчитав свои силы, супруги попытались объять необъятное, посмотреть за

один день несколько московских музеев, оставив на закуску посещение главной площади страны. А тут в одной Третьяковке столько живописи на стенах навешано, что за неделю не пересмотришь...

Еле-еле дождавшись вечера, вконец измотанные историческими местами супруги кое-как доплелись до своего вагона и мешками рухнули на свои спальные места. Слава Богу, культурная программа наконец закончилась.

Ранним утром отоспавшиеся родители прибыли домой, где были тут же атакованы домочадцами, интересующимися сугубо меркантильными вопросами.

— Папа, а ты мне машину купил? — спрашивает сын.

— Мама, ты мне итальянские сапоги достала? — интересуется дочь.

— Ну, сколько денег потратили? — берет быка за рога теща. — Что-то я сумок с обновками не вижу...

А Парасюк стоял рука об руку с женой под этим градом нелепых вопросов погрязших в мешающем домочадцев и что-то нервно таявал о культурном наследии России. Об иконах Андрея Рублева, картинах Шишкина и Айвазовского, Оружейной палате Кремля. Но разговор с родней не клеился. Как у слепого с глухим. Парасюк детям вещает про великую культуру, а они ему про одежду, кроссовки и электронику намекают. Про тещу лучше вообще промолчать. Ну не могут понять люди из провинции, что можно поехать в столицу не за обновками, а просто на экскурсию. В общем, разочаровал Парасюк своих членов семьи полностью. Еле-еле опять вечера дождались, чтобы наконец спокойно спать лечь. И уже засыпая, жена Парасюку больно пнула коленкой в бок и зловеще процедила на ухо:

— Слышишь, сволочь! Если ты еще раз со мной в Москву соберешься и опять кошелек с деньгами дома забудешь, то я с тобой снова по кремлям да музеям время коротать не буду, а просто с моста в реку стокну и сверху по башке кирпичом добавлю. Я думаю, в нашем суде меня оправдают. Это же ведь надо, целый год деньги копить, чтобы детей нормально к школе собрать, специально выходные взять, на билеты потратиться, а этот охломон взял, и деньги в карман другого пиджака засунул, а вспомнил об этом, сволочь, только на Казанском вокзале!

● Рассказ-быль Бориса ПЕРЦЕВА СМЕРТЬ ЛЕЙТЕНАНТА

Сергей стал свидетелем гибели «мальчишки-лейтенанта».

Их отношения до конца оставались сложными: оба не могли преодолеть взаимного недоверия. Недоверие рождало неприязнь. В фронтовых условиях войны находятся в постоянной близости - даже при желании не разойтись. Сергей и лейтенант тайком наблюдали друг за другом. Сергей не мог не замечать, с каким уважением бойцы относились к «этому мальчишке» - своему командиру, с какой охотой, никогда не противясь, выполняли его приказания. Чинопочитание и субординация тут ни при чем. Командир был для них «свой в доску»; под его руководством в затяжных зимних боях они узнали почем фунт лиха, ценили в нем умение находить выход из сложных ситуаций.

Сергей опасался, что лейтенант и бойцы считают его необстрелянным салажанком, на которого пока нельзя положиться. Он ревновал к бойцам Юру Сходневу, единственного человека, от которого у него не было тайн. Ведь для бойцов Юра был «свой», прошел через жестокие бои, был тяжело ранен. Сергея угнетало чувство ложной неполноценности. Нескольких раз он пытался поговорить о своих переживаниях с Костей Коровиным. Тот уклонялся от любых объяснений, так как сам столкнулся с не менее важными проблемами.

Командир роты поручил лейтенанту провести дополнительную рекогносцировку одного из участков немецких позиций, там ночью была замечена подозрительная активность. Место для наблюдения лейтенант выбрал в выступавшем над главной траншеей окопе; оно показалось ему безопасным, так как находилось не на гребне, а на склоне холма и, следовательно, не должно было привлекать внимание немцев. Нахлобучив на голову каску и вооружившись биноклем, лейтенант рассчитывал провести на наблюдательном пункте часа два. В помощь себе он позвал попавшего на глаза сержанта Сергея Каныгина. Передал ему блокнот и кожаный планшет, за прозрачной целлулоидной пленкой в котором находилась подробная топографическая карта местности.

— Следи по карте за моими замечаниями и записывай их в блокнот, — сказал он Сергею.

Сергей уселся на земляной выступ у стенки окопа, положил ногу на ногу и, пристроив на колене планшет, приготовился писать. Довольно долго лейтенант рассматривал в бинокль немецкие позиции.

...Жаркий летний день клонился к вечеру, солнце уходило на запад. Его косые лучи мешали наблюдению; они падали на внешние окуляры бинокля, отчего отдаленные предметы казались находившимися в тени и плохо просматривались. Лейтенант вынужден был то и дело поворачивать бинокль, чтобы найти наиболее удобный ракурс для наблюдения. Он не предполагал, что внешние линзы бинокля отражали солнечный луч, посылая на далекое расстояние световые сигналы... Пуля немецкого снайпера пробила лобовую часть каски и застряла в голове лейтенанта.

Сергей не сразу осознал случившееся. С удивлением заметил, как колени стоявшего рядом лейтенанта странно подогнулись и весь он повис, опираясь руками на край бруствера. Быстро терявшее силы тело находилось в таком состоянии около минуты, затем медленно сползло на дно окопа и в сидячем положении оказалось напротив Сергея. Одна нога мертвеца упиралась в его колено, а широко открытые, не успевшие утратить присутствия жизни глаза пристально смотрели в глаза Сергея. Веки были слегка опущены, отчего взгляд казался печальным и вопрошающим. Возможно, сознание еще не совсем оставило лейтенанта, и он хотел что-то сказать.

По спине Сергея пробежала нервная дрожь, первый раз в жизни он так близко столкнулся со смертью другого человека. В считанные мгновения пересмотрел свое отношение к лейтенанту, понял: недолюбливая его, он придавал значение случайным, несущественным факторам, заставлявшим чувство зависти к этому умному, наделенному щедрой душой парню. Сергей испытывал сожаление, что не смог, не успел преодолеть мальчишеское самолюбие и не выказал ему свою преданность. Мучительно сменяли друг друга мгновения; Сергей не мог оторвать взгляда от вопрошающих, постепенно стекленеющих глаз. Цепляясь за исчезающую чужую жизнь, он прошептал: «Прости меня, прости, пожалуйста...»

В окоп заглянул связной Иван Паков, которого ротный командир послал узнать о предварительных результатах рекогносцировки. Его, как человека повидавшего многое, поразила не смерть лейтенанта, человеческая смерть на фронте дело обычное, а реакция на нее Сергея. Он тронул его за плечо.

— Серега!.. Ты чего?.. Ну-ка, вставай... вставай!.. — и отвел его в соседний окоп.

Вместе с подошедшим бойцом Иван перенес тело лейтенанта в главную траншею, уложил его так, чтобы оно не мешало проходу; снял с себя пилотку и положил ее под голову убитого, опустил ему на глаза веки, сложил на животе руки.

Весть о гибели командира второго взвода быстро облетела роту. Бойцы приходили проститься с ним небольшими группами, снимали пилотки и, молча постояв пару минут, уходили на боевое дежурство. Пришли офицеры, двое из троих - такие же мальчишки, как и погибший. На время позабыв о своем особом положении, стараясь кого-нибудь не задеть, скромно подошел командир роты. Стоявшие рядом бойцы отметили про себя, что он - уже пожилой человек, спина у него слегка горбится, а глаза повлажнили от предательски выступивших слез. Они незаметно отворачивались, чтобы не видеть проявления его слабости. В боевой обстановке командир роты всегда был для них примером бесстрашия и мужества.

Последним пришел ротный старшина и выполнил необходимые в данном случае обязанности: вынул из кармана гимнастерки убитого документы, несколько фотографий и последнее письмо от матери; из брючных карманов извлек несколько оказавшихся там предметов, осторожно отвинтил и снял орден Красной Звезды. Все это сложил в специальный пакет, затем тщательно завернул тело в плащ-палатку. В таком виде, одиноко, плотно придвинутое к отвесной земляной стене траншеи, оно пролежало до темноты; ночью пришли санитары и унесли его, чтобы захоронить в братской могиле.

по Родине

территории Франции. Он мог свободно его покидать, ходить по городу, разговаривать с людьми, знакомиться с обстановкой.

Большинство советских военнопленных, оказавшись на Западе, только и ждали того момента, когда их вернут на родину, в Россию. Ждал этого дня и Николай. Но где-то начиная с июля 45-го по лагерю поползли слухи о том, что советских пленников на родине не ждут. Их всех считают предателями, и если они вернуться домой, их ждет Колыма.

В этой непростой обстановке каждый бывший пленный решал сам за себя. И понять тех, кто не решился вернуться в Россию, можно: они были оторваны от Родины, многого не знали, были зомбированы западной агитацией, их терзали сомнения.

И Николай Романов долго колебался. С одной стороны, страшно хотелось домой, к жене, к отцу-матери. С другой — сомнения: вдруг меня посадят? Сомнения пересилили, Николай стал отказником. Как осудить его за это?

Дальнейшая его судьба складывалась непросто. Сначала три года жил в небольшом городишке во Франции, работал на местной фабрике. Потом перебрался в Англию. Переезжал по стране с места

на место, перебиваясь случайными заработками — в Англии в эти годы была большая безработица. Наконец осел в Ковентри, женился, но неудачно: из-за финансовых трудностей через полгода семья распалась.

Весной 1951 года Николай решил пересечь Атлантический океан и обосноваться в Канаде. Поселился в восточной части Канады, в небольшом рабочем поселке. Здесь познакомился с одной молодой, милой, доброй и хозяйственной женщиной, женился на ней, и жизнь потекла, отмеривая годы, десятилетия.

Зарабатывал Николай хорошо, через некоторое время купил дом в рассрочку, у него родились две дочери.

Все бы хорошо, да не давала покоя тоска по Родине. В самые мучительные минуты он даже плакал. Страшно хотелось поговорить с русским человеком на родном русском языке. В городской мэрии Николай разузнал о местонахождении русской колонии и начал туда ездить. Это его на какое-то время успокаивало.

Конечно, живя вдалеке от России, Николай Романов не мог не интересоваться жизнью этой уже для него далекой страны, искал любую информацию, чтобы узнать, что

там делается. Зачастую найденное грубо искажало действительность: местные газеты представляли Россию «империей зла». И все равно он жил мечтой когда-нибудь там побывать.

Между тем Россия стала дружкой. После горбачевской перестройки возникли новые отношения со странами Запада, Америкой, и Николай загорелся мыслью о поездке на Родину. Через российское посольство в Канаде он навел справки о близких. Из полученной информации узнал, что у него есть сын Василий, что жена его Мария умерла, ушли из жизни его мать с отцом. И все же он не отказался от идеи побывать на родной земле.

И вот в июле 1994 года, после 53 лет пребывания на чужбине, самолет Ту-154 российской авиакомпании перенес его в Москву. Из Москвы поездом Николай приехал в Нижний Новгород, а когда автобус из областного центра довез его до Павлова, у Николая даже поднялось давление.

На автостанции его встретила семья сына — от счастья он плакал...

Были ли у него разговоры с сыном о возможном возвращении в Россию? Были. Но всякий раз Николай ничего не мог ответить: слишком непростой это для него вопрос. Радуюсь встрече с родной землей, он вспоминал и далекую Канаду, принявшую и обогрившую его, ставшую ему второй родиной, страну, где живет и ждет его вторая семья... Он возвращался в Канаду с раздвоенными чувствами. Когда еще он посетит Родину? Сможет ли он еще раз подняться в далекий путь? Но главное, что он понял, — в России его всегда помнили и ждали. И теперь помнят и ждут.

Михаил ХОРОШЕВ

P.S. Автор этого рассказа-были, павловчанин Михаил Сергеевич Хорошев, знаком читателям нашей газеты по публикации о школе юнг Военно-морского флота, которую он сам прошел в суровые военные годы. Сейчас ему 87 лет, но он до сих пор занимается общественной работой — 26-й год руководит Павловским районным Советом ветеранов. Михаил Хорошев — заслуженный работник культуры России.

